

Фенич В.И. (г.Ужгород, Украина)

“МОНАСТЫРСКАЯ ЦЕРКОВЬ”: ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАННЯЯ ИСТОРИЯ МУКАЧЕВСКОГО ЕПИСКОПСТВА XV ВЕКА (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

В одном из наиболее неоднозначных недавних исследований по церковной истории Подкарпатья, автор которого пожелал остаться известным под псевдонимом “Vladimirus de juxta Hornad”, утверждается, что до образования Римским престолом полноценной канонической Мукачевской епархии (1771 г.), имеющиеся письменные источники, датируемые не ранее XIV - XV вв., позволяют сделать вывод о существовании своеобразной “монастырской епархии”, “монастырской структуры Церкви” (Hornad, 2004, s.954), довольно отдалённой от современного понятия епископства.

Все предыдущие попытки историков (больше патриотических почитателей истории) дать однозначный и утвердительный ответ на этот, как и на многие другие вопросы, связанные со средневековой материей Мукачевского епископства, к сожалению, желаемого успеха не достигли. Удастся ли нам разобраться в предлагаемом ниже исследовании в этом предмете при скудных и не очень “разговорчивых” источниках, но довольно богатой при этом на воображение местной русинской и украинской патриотической историографии, судить, пожалуй, придётся критикам.

1. Сомнительные истоки первых монастырей или что хотят прочитать исследователи в молчаливых источниках средневековья. Момент зарождения христианства византийского обряда в верхней части Венгерского королевства теряется в раннем средневековье. В традиционной местной церковной историографии он связывается с активной миссионерской деятельностью в Велико-Моравском государстве во второй половине IX в. равноапостольных св. Константина (Кирилла) и Мефодия (Hodinka, 1938, old.1-34). Однако, эта красочная и льстящая региональному патриотизму легенда не находит подтверждения в источниках, в которых сведения о началах церковно - монастырской жизни края относятся не ранее, как к концу XIV в. (Hodinka, 1909, old.1-34; Петровъ, 1930, с.1-88; Papp, 1949, p.39-56; Василь Ціріл, 2007, с.29-47).

Как убедительно доказали в своих исследованиях А.Годинка и Д.Моравчик, существующие в эпоху Арпадов четыре монастыря восточного обряда были греко - язычными и не имели никакого отношения к славяно - валашской христианской традиции юго - востока Карпатского региона (Hodinka, 1909, old.6-15; Moravcsik, 1938, old.388-422). Иными словами, доказать влияние апостольской миссии св. Кирилла и Мефодия и их учеников, в частности архиепископа Нитры Горазда на распространение в крае славянского обряда (Томашівський, 1932, с.57-61; Тржештик, Достал, 1991, с.87-106) при отсутствии надёжных свидетельств источников куда труднее, чем искренне верить в, якобы, более раннее, чем в самой Киевской Руси крещение обывателей Подкарпатья.

Аналогично обстоит вопрос и об истоках деятельности первых монастырей на территории расселения карпатских русинов и волохов - Свято - Николаевского на Чернечей горе вблизи Мукачева и св. Архангела Михаила в Грушеве (Тячевский р-н Закарпатской обл.) (о.Василь Ціріл, 2007, с.29-32). Особые страсти сопровождают полемику вокруг так называемой “грамоты подольского князя Феодора Кориатовича от 1360 г.”, которой он, якобы, основал Мукачевский монастырь, одарив его разными бенефициями, в т.ч. близлежащими 2 - 3 сёлами (Basilovits, 1799; 1804; 1805). Несмотря на то, что ещё в начале прошлого века почти одновременно и в Петербурге, и в Будапеште такими видными учёными, как А.Петров и А.Годинка, убедительно была доказана подложность этой грамоты (поскольку подольским князем Феодор Кориатович стал значительно позже упомянутой даты, а его пребывание в Мукачево и его окраинах венгерские источники относят ко времени между 1396 и 1415 гг.) (Петров, 1930; Холодняко, 1906, с.31; Munkácsi gör. szert..., 1911, old.1-10), изложенная ими версия об обретении монастырём своих прав имеет своих сторонников (Кобаль, 2005, с.75-115; Фенич, 2005, с.168-184; 2008, с.3-14), но, справедливости ради, отметим, что и скептиков - хоть отбавляй (Нариси, 1993, с.61, 159-160; Данилюк, 1997, с.24-33; Сенько, 1998, с.21-41).

Мнение местных церквей восточного обряда предугадать несложно, ибо речь идёт о краеугольном камне официальной версии церковной истории. Мукачевский монастырь, являясь традиционным духовным центром, своеобразной отправной точкой для Восточной Церкви на канонической территории Подкарпатья, составляет часть исторического наследия каждой из доминирующих ныне в крае конфессий - православной и греко - католической. Причём обе ревностно стараются “приватизировать” это наследие, связанное с т.наз. “Феодоровым даром”, сознательно игнорируя при этом профессиональные заключения учёных, особо не ангажирующих себя какой - либо из экклезиологических идентичностей.

Не менее запутанным до сего времени остаётся вопрос, связанный с пониманием содержания первого из известных ныне документов, затрагивающего вопросы церковной структуры и канонического подчинения на территории будущей Мукачевской епархии. Речь идёт о письме константинопольского патриарха Антония IV от 14 августа 1391 г., изданного по просьбе валашских воевод Балицы и Драга относительно Грушевского монастыря. Этим письмом патриарх предоставляет монастырю право стравропигии, а его игумену Пахомию право юрисдикции над проживающими в окрестностях монастыря и во владениях семьи его основателя, валашского воеводы Саса (речь идёт о приблизительно 34 сёлах, географически разбросанных в комитатах Мараморш, Угоча и Берег, доходя почти до р.Латорица, протекающей через Мукачево) (Diplôme Maramureşene..., 1900, s.247; Miklosich, 1860, p.156-157; Лучкай, 1999, с.172-183; Петровъ, 1930, с.102-137).

На основании этих фактов А.Годинка сделал обоснованное заключение,

что воевода Драг “обратился к самому патриарху о предоставлении епископских прав игумену, наделив его управленческой юрисдикцией, по причине отсутствия епископа” (Hodinka, 1938, old.26-27). Во всяком случае, в известных науке документах этого времени не упоминается ни мукачевский, ни какой - либо иной, находящийся по соседству епископ, который бы духовно окормлял паству греческого обряда на этой территории.

2. Пресвитер Лука и монастырская церковь: богатое воображение историков при скудных источниках. Если же согласиться с бытующим в историографии мнением о том, что более - менее массовое, начавшееся не ранее XIII в. (не считая тех одиночных русских стражников, которые несли королевскую службу с XI ст.), русинское заселение северо - восточной части Венгрии проходило по маршруту от современного польско - словацкого пограничья - северо - западного комитата Спиш и до юго - восточного фронта - комитата Мараморош (Петровъ, 1930, с.1-88; Hodinka, 1909, old.1-34, 58-89; 2000, old.24-55), то логично предположить, что вместе с новыми колонистами сюда прибывали и священники.

Некоторые местные учёные (к примеру, Ю.Жаткович), считающие, что первого самостоятельного епископа русины и волохи получили только в 1491 г. в лице архимандрита Мукачевского монастыря Иоанна, вольны полагать, что “Тех верующих восточной церкви, которые проживали в Мараморошской и Угочанской, и на восточном крае Бережской вармеди, Антоний, патриарх Константинограда, подчинил года 1391-го протоархимандриту монастыря Грушевского в Марамороше, - а для других верующих восточной церкви года 1360-го был данья духовным настоятелем архимандрит монастыря Мукачевского в Бережской вармеди. Протоархимандрит Грушевский подчинён был архиепископу Молдавскому, а архимандрит Мукачевский - Перемышльскому в Галиции”. Отсюда сельским приходским учёным делается и соответствующий вывод: не имея до 1491 г. своих архиереев, верующие и священники прибегали к духовному окормлению епископов из соседних Галиции и Молдавии (Жаткович, 2001, с.167-168).

Первым документом, чётко указывающим на существование Мукачевского монастыря, является грамота венгерского короля Матяша Корвина от 14 августа 1458 г., которой подтверждаются некоторые привилегии для его игумена Луки. Об этом же идёт речь в ином подобном документе от 1488 г. (Munkácsi gör. szert..., 1911, old.1-2; Papp, 1940, old.24). Эти источники содержат важные для понимания положения вещей статусные характеристики монастыря - прихода - “plebania Ruthenicae sancti Nicolai prope possessionem Munkacs Monostor” и его председателя, именуемого “пресвитером русинов” (presbyter Ruthenus).

Остановимся подробнее на трактовке этих понятий. Принимая во внимание замечание церковных исследователей А.Бобака и А.Пекара, напоминающих о публичном праве венгерских королей жаловать церковным предстоятелям инвеституру, опираясь на так называемое право верховного патроната - “iure patronatus supreme” (Bobák, 1943, p.44, 49;

Peкар, 1956, p.19-22), в любом случае в упоминаемом документе мы не находим чего-то необычного, отличающего статус прихода “sancti Nicolai prope possessionem Munkacs Monostor”. Обозначение его термином plebania (этот термин является специфическим юридическим определением для венгерского латиноязычного ареала - от авт.) предполагает разве что освобождение от юрисдикции архидиакона и право сбора десятины (о.Василь Ціріл, 2007, с.36). Поэтому следует выстроить некоторую цепь посылок и следствий для более ясного понимания далеко не однозначных латинских юридических терминов того отдалённого времени.

Отвечая же на вопрос, какое значение имеет выражение “plebaniam [...] cum sua solita iurisdiccionem” в его применении к пониманию статуса пресвитера Луки, то все авторы соглашаются, что речь идёт не об обычном священнике (что, впрочем, не предполагает обязательного наличия у него епископского сана), а о настоятеле общины Мукачевского монастыря, обычная юрисдикция которого распространялась только на подвластных ему монахов (о.Василь Ціріл, 2007, с.36). Игумен Лука полагал своим естественным правом сбор десятины с виноградников, а также управление и распоряжение достоянием монастыря. С этой точки зрения интересным представляется замечание А.Петрова, утверждающего, что полномочия игумена распространялись и на территорию, расположенную вблизи монастыря, но не более того (Петров, 1930, с.140).

В тексте королевской грамоты от 14 августа 1458 г., в которой хоть и не чётко, но всё же прослеживается намёк на особое положение игумена Луки, названного “русским пресвитером”, его безупречная репутация и благочестие, в совокупности с наличием письменных рекомендаций дали Матяшу Корвину основания для его назначения “на основанный, согласно русскому обряду, приход в монастыре св. Николая подле Мукачева с его обычной юрисдикцией”, по поводу которой сам Лука утверждал, что законно занимал её в течение многих предшествующих лет. Король же, пользуясь монаршей прерогативой назначения, юридически оформил существующее положение, объявив Луке, что “дарует ему этот приход как новый и издревле принадлежавшие к нему сёла Бобовище и Лавки со всеми доходами двух сёл”. Далее король даёт указание Лелескому конвенту, чтобы Луку “по обычаю было вновь назначено владельцем прихода и двух сёл, и его в тех владениях королевской властью, которой я в связи с этим предоставил конвенту, от всех защитил” (Munkácsi gör. szert..., 1911, old.1-2).

Из вышеизложенного можно заключить, что приход уже имел “обычную” юрисдикцию, что Лука уже и в предыдущие годы владел им, и, наконец, что король Матяш, по примеру своих предшественников произвёл назначение. Все эти выражения являются характерными для данного столетия. Проблемными остаются вопросы о том, сколь долго перед 1458 г. Лука владел этим приходом, был ли он первым его предстоятелем и кто из предшественников Матяша уже назначал кого - либо на эту должность?

Отправной точкой ответа на первый вопрос может послужить грамота

герцога города Мукачево Яноша Корвина от 6 февраля 1493 г. В ней он перечисляет представленные ему Мукачевским епископом Иоанном шесть писем - грамот, расположенные в хронологическом порядке. Первое, якобы, от подольского князя Феодора Кориатовича, датируемое между 1418 и 1426 гг. Автором второго был сербский деспот Георгий Бранкович, владевший Мукачевским замком и доминией на протяжении 1428 - 1439 гг. Третьим было письмо Яноша Хуняди, который, начиная с 1445 г. владел г.Мукачево и в 1446 г. побывал в с.Вары, что подтверждается грамотой, пожалованной одному из береговских цехов. Янош Корвин же, проинформированный латинским настоятелем церкви св.Мартина в г.Мукачево Денисом, о предшественнике епископа Иоанна пресвитере Луке говорит, что письма "нашего деда и прадеда" тот добыл при помощи неправдивых свидетельств, тогда как о предыдущих двух молчит. Соответственно, грамоты от сербского деспота он, в действительности, не получал. Об этом факте настоятель Денис знал наверняка, ибо епископ Иоанн, лицо, подчеркнём, весьма заинтересованное, который должен был знать об этих вещах наверняка, мог бы опровергнуть утверждения настоятеля мукачевского латинского храма, если бы они не соответствовали действительности (Munkácsi gör. szert..., 1911, old.1-2; Hodinka, 1909, old.186-188).

Таким образом, грамота Яноша Корвина от 1493 г. позволяет сделать вывод о том, что выдерживающим проверку хронологическим стартом владения Лукой его приходом является время между деспотом Георгием Бранковичем (1439 г.) и королём Матяшем Хуняди (1445 г.).

Продвигаясь в поисках ответа на второй вопрос, обнаруживаем, что ни грамота короля Матяша от 1458 г., ни извещение Яноша Корвина от 1493 г. не упоминают о предшественниках Луки, хотя и ему, и упомянутому настоятелю Денису целесообразно было бы сослаться на них, если бы таковые имелись. Молчание Луки о том, что он владеет приходом по примеру своих предшественников, кажется, является достаточным доказательством того, что их попросту не было. Точно так же, как отсутствие в информации настоятеля Дениса упоминания о том, кто же был счастливым, получившим владельческую грамоту от деспота Бранковича - монастырь, или же, всё - таки, предшественник Луки? По мнению как всегда наблюдательного А.Годинки, "вероятно им обоим было известно действительное положение, исходя из которого, смеем предположить, Лука всё же был первым владельцем этого прихода и, что до него им никто не владел. Это подтверждает и то, что он называется только приходом и, что Матяш Луку называет только предшестелем. Если б у Луки были предшественники, которые бы практиковали юрисдикцию, тогда бы было применено и наименование епископа, как это произошло с преемником Луки Иоанном, которого грамоты уже называют епископом" (Hodinka, 1909, old.189).

Лука, впрочем, должен был иметь власть большую, чем у простого пресвитера и, соответственно, монастырская община превышала значение обычного прихода. У А.Годинки на этот счёт имеются несколько весьма

убедительных соображений. Во - первых, заслуживает внимания уже то, что сама грамота короля Матяша Корвина, называя приходом этот бенефиций, жалует ему такие права, каковые не может иметь обычный приход. Более того, уже и само статусное определение “plebania” указывает на то, что с монастырём связан независимый от него бенефиций, имеющий определённую юрисдикцию.

“А так как обычный приход не владеет своей юрисдикцией, а король не называет никакого епископства, от которого он это право мог бы получить, а непосредственно говорит о том, что он имеет свою юрисдикцию, а такую юрисдикцию может иметь только епископство, то исходя из этого мы не можем его считать обычным приходом. Ещё и потому нельзя считать его обычным приходом, ибо он имеет не только свою юрисдикцию, но имеет в своём владении ещё и целых два села Бобовище и Лавки, а такого никакой другой схизматический русский приход не имел и не мог иметь, особенно в то время, когда русские приходы только в 1692 г., только тогда, после принятия Унии, могли получить некоторые приходские земли. На то, что это есть приход с большим бенефицием указывает и то обстоятельство, что назначение его пресвитера входило в функцию самого короля. В Латинской Церкви были тоже исключительные приходы, на которые назначения давал лично король, но для схизматической Церкви такие случаи были невероятными” (Hodinka, 1909, old.195).

При этом, однако, надо учитывать ещё и тот факт, что король Матяш опекается каким - то приходом настолько, что, назначая его предстоятеля, старается наследовать своих предшественников, при том, что это владение даже не составляло королевской собственности. Объяснением этому, принимая во внимание аргументы А.Годинки, мы полагаем заявление мукачевского патера Дениса, отображенное в грамоте Яноша Корвина от 6 февраля 1493 г., в котором он вполне определённо называет Луку предшественником епископа Иоанна (Munkácsi gör. szert..., old.7-9).

Между прочим, определение “пресвитер” лишено монашеского контекста, и предполагает наличие у его носителя управленческих функций в общине и в религиозной, и в светской сферах её жизнедеятельности одновременно. Однако такое лицо, если оно не являлось епископом, в монастыре не могло иметь какой - либо юрисдикции. По мнению А.Годинки, с учётом переходного состояния церковного статуса территории, наиболее вероятным будет считать Луку помазанным епископом с властью простого поддержания порядка и у которого ещё нет юрисдикции, полномочий, верующих, территории, кафедрального собора, а его деятельность распространяется только на монастырь и в основном на тех, которые добровольно соглашаются к рукоположению на священников (Munkácsi gör. szert..., 1911, old.7-9).

3. Киевский митрополит Исидор и его “венгерское послание” 1440 г. глазами источников и в оценках историков. Теперь же, если Луку считать предшественником епископа Иоанна, и до него источники не упоминают никого иного в ипостаси главы монастырского прихода

“особого значения” возле Мукачево, остаётся ответить на последние, касающиеся нашей темы вопросы: когда, где и кем он мог быть хиротонисан? Двигаясь в этом направлении, следует упомянуть митрополита Киевского и всея Руси Исидора. Утверждение о том, что пресвитер Лука, якобы, находился под юрисдикцией митрополита Исидора, который, пребывая в марте 1440 г. в Буде, посетил того с визитом в Мукачево, со временем оказалось исторически бездоказательным. Однако с лёгкой руки известного галицийского церковного исследователя XIX в. о.Михаила Гарасевича (Harasiewicz, 1862, p.79-80.) подобное мнение бытовало в греко - католической историографии, а недавно было поддержано не менее известным в католических кругах исследователем закарпатского происхождения А.Бараном (Baran, 1960, p.15-25).

Однако же, опираясь на такой важный источник, как дневник путешествия самого инициатора Флорентийской унии (1439 г.) под названием “Хождение митрополита Исидора” (Зема, 2003, с.53-67; Флоря, 2007, с.388-396), видный словацкий католический историк М.Лацко категорически отверг подобную возможность архиерейского путешествия в Мукачево. Основанием этому послужил тот факт, что король Польши и Венгрии Владислав III (в Венгрии правил под именем Уласло I), вначале относился к сторонникам антипапы Феликса V. В связи с этим само собой разумеется, что ему было совсем не по душе появление в пределах его королевства легата папы Евгения IV, одного из инициаторов Ферраро - Флорентийской унии 1438 - 1439 гг., митрополита Исидора, который позже всё - таки возымел определённое влияние на близлежащее к г.Мукачево славянское епископство в польском Перемышле, и которое, судя по всему, приняло провозглашённую им унию (Lacko, 1978, s.15).

В декрете унии, торжественно провозглашённой 6 июля 1439 г. в кафедральном соборе во Флоренции, как известно, папа был провозглашён “преемником апостола Петра”, “истинным викарием Христа”, “главой всей Церкви”, “отцом и учителем всех христиан”, получившим от самого Иисуса Христа всю полноту власти над Вселенской Церковью. Добившись победы в решении главного догматического вопроса, латинские участники Собора согласились на сохранение православной Церковью её традиционных обрядов. В декрете унии была специально оговорена равноценность литургии, совершаемой и по западному, и по восточному обряду (Флоря, 2007, с.326-327).

Осуществить принятые на Флорентийском Соборе решения на территории Восточной Европы как раз и должен был киевский митрополит Исидор, получивший для этого от папы кардинальский сан и полномочия папского легата в Литве, Ливонии, Руси и Польше, т.е. на всей территории восточноевропейского региона. 6 сентября 1439 г. он покинул Флоренцию и, миновав Венецию, отбыл ко двору Владислава III в Буде, для обсуждения планов крестового похода против турок (Флоря, 2007, с.336).

Выдавая желаемое за действительное, некоторые историки сочли уместным признать эти факты в качестве убедительного аргумента пока

ещё не доказанному утверждению о подчинении Мукачевской епархии юрисдикции Киевского митрополита ещё в середине XV в., руководствуясь при этом далеко не научными побуждениями. Однако сама версия вовсе не выглядит беспочвенной. Для поиска её возможного прочтения попробуем синхронизировать события давно ушедших лет с иной парадигмы.

Вероятно предположить, что первое упоминание о Мукачевском монастыре в королевской грамоте под 1458 г. неслучайно. Возможно, что пресвитер Лука, немногим ранее занявший монастырский приход, начал искать королевскую санкцию своей юрисдикции над верующими греческого обряда в поселениях района Чернечей горы именно после того, как в Буде появился возвращавшийся с экуменического собора папский “легатос и от ребра апостольского седалища лятцкого и литовскаго и немецкаго” (от 17 августа) и кардинал (от 18 декабря 1439 г.) архиепископ Киевский и всея Руси Исидор (Ваврик, 1969, с.53; Великий, 1999, с.78; Пелешенко, 2000, с.137).

5 марта 1440 г. Исидор в Буде обратился к пастве с “Окружным посланием”, в котором призвал “возрадуйтесь и възвеселитесь все ныне, яко и церковь восточная [и западная], коликое время разделения быша и едина ко единеи враждебны, а ныне истинным соединением соединишася во изначалственнейшее во свое соединение и в мир и в единство древнее, без вского разделения. Все ж христоименитии людие, и как латыни, так и грекове, и ти иже все подлежат святей соборней церкви константинополстей, еже суть Русь, и серби, и влахи, и инии все христианстии роди примете тое же и пресвятое единачество с великою духовною радостию и честию” (Полное собрание...., 1851, с.159-160; Gili, 1963, p.1-8; *Litterae Encyclicae...*, 1976, p.140-142; Левина, 1984, с.57-58; Флоря, 2007, с.80-81).

Из столицы Венгрии митрополит Исидор 14 марта 1440 г. направился через Санч в Краков, где, отслужив молебен в Вавельском соборе, отбыл в Перемышль, а оттуда - во Львов, Галич и Холм, где 27 июля 1440 г. издал пастырское письмо о неприкосновенности церковного достоинства (Ваврик, 1969, с.53). И в Санче, и в Кракове Исидор совершил богослужение по греческому обряду в латинских храмах. Этими своими действиями, а особенно - адресованной холмским старостам и воеводам грамотой от 27 июля 1440 г., митрополит - униат полностью следовал экуменической программе Флорентийского Собора (Бучинский, 1908, с.31; Флоря, 2007, с.337-338).

Показательно, что посетив в конце весны 1440 г. православную епархию в Перемышле, где, судя по всему, епископская кафедра была вакантной (епископ Илья последний раз в документах упоминается в феврале 1440 г.), Исидор назначил после него Александра или Афанасия, его преемника, происходившего из семьи местных вотчинников - Бирецких. Своими действиями митрополит не последовал рекомендациям папы, согласно которым из двух епископов, одновременно служивших на территории одного диоцеза, единственным его хозяином останется тот, кто переживёт другого, и не передал православную Перемышльскую кафедру латинскому

епископу в этом городе (Флоря, 2007, с.338).

Этот пример достаточно важен в нашем исследовании, поскольку в местной церковной историографии ещё в конце XIX в., как было замечено выше, утвердилось мнение (Ю.Жаткович) о том, что северо - западная часть ранней Мукачевской епархии какое - то время пополнялась священнослужителями - выходцами из Перемышльского епископства. Проблематичным остаётся только вопрос, были ли в этом случае эти священники униатами в том понимании, в каком их имел ввиду Флорентийский Собор. Если да, то пресвитер Лука вполне мог получить святительские регалии от униатского епископа в Перемышле. Но это пока лишь наше предположение.

Доказанным на данный момент является следующее. В Галиции Исидор пребывал в течении двух месяцев - примерно с 15 мая до 10 июля (Кочан, 1994, с.33-34). Относительно же его гипотетического появления в Мукачево в марте 1440 г., то в руках историков имеется авторитетное мнение известного василианского историка Атанасия Великого: “Не знаем также, выбрался ли Исидор дальше на восток: на Подолию или Валахию, Закарпатье, бывал ли в Мукачево. Наверно для этого он не имел ни времени, ни основательных причин, поскольку церковная ситуация на этом пространстве была неясной” (Великий, 1999, с.84). Именно на это мнение в качестве признанного исследователями мы и будем опираться.

4. Привилегия Владислава III 1443 г. и судьба Флорентийской унии в историографической традиции. Побег попавшего в опалу Исидора из Москвы 15 сентября 1441 г. пролегал через Тверь, где он так же, как и в Москве, попал в заключение. После удачного побега митрополит остановился в Новогрудке Литовском в Белой Руси, где почти год исполнял свои архиерейские обязанности, выświęтив, по всей видимости, Холмского епископа Григория (Бучинський, 1908, с.41; Пелешенко, 2000, с.138-139). Во время скитаний Исидора на протяжении 1441 - 1442 гг. отношение Владислава III к унии резко изменилось.

За это время папе Евгению IV удалось привлечь на свою сторону молодого и энергичного короля для решения важных дел: крестового похода и церковного единства. В результате активной дипломатической подготовки, осуществлённой папским легатом, кардиналом Джулиано Чезарини, папская булла от 1 января 1443 г. провозглашала антитурецкий крестовый поход в целях защиты восточного христианства (Великий, 1999, с.89-90; Контлер, 2002, с.142-143; Дворнік, 2000, с.205-206). Таким образом, единственным безопасным прибежищем для Исидора в сложившейся ситуации оказалась столица Венгрии.

Весной 1443 г., перед непосредственным началом крестового похода, король Владислав III представил Церкви восточного обряда на подвластных ему территориях грамоту, которую он вручил Исидору 22 марта, когда тот, возвращаясь в Рим, остановился в Буде (Великий, 1999, с.90). Исходя из этого, склонный к произвольным предположениям С.Пап заключил, что киевский униатский митрополит в начале 1443 г., “уж наверняка шёл через

Закарпатье, ибо спешил к королю Владиславу III”. [...] “Это тем очевиднее, - продолжает настаивать церковный историк, - что в Будине митрополит Исидор написал “Диплом Владислава” об уравнивании украинского духовенства в привилегиях с латинским в соответствии с постановлениями Флорентийского Собора” (Пап, 1983, с.85).

На самом же деле, это король Владислав III в присутствии католического епископа Эгера Шимона Розгони 22 марта 1443 г. издал экуменический диплом (Акты, относящиеся..., 1846, с.56-57; Harasiewicz, 1862, p.78-81; Великий, 1999, с.93-96). В грамоте несколько раз использованы следующие формулировки: “Церковь восточного обряда, то есть греков и русинов”; “Восточная Церковь и её настоятели и весь клир того же греческого и русского обряда, который существует на пространствах наших владений, нам подчинённых”, или же в форме обращения - “всем церквам, их епископам, то есть владыкам, настоятелям, духовенству и всем церковным людям того же греческого и русского обряда”. Что же касается географии распространения данного диплома, то, как видно из текста, речь идёт о “всех церквах наших владений в Польше и Венгрии и других”, или же - “нашего Польского королевства, поимённо же наших Земель Руси и Подолья и других с ними соединённых” (Великий, 1999, с.94-95), проще говоря - на всей подвластной в то время Владиславу III территории.

В связи с этим, остаётся непонятным вопрос, в качестве кого именно принимал король Исидора: как всё ещё митрополита Киевского и всея Руси (его официальное низвержение произойдёт на соборе в Москве только в декабре 1448 г.) (Великий, 1999, с.105), или же, что, скорее всего в сложившихся обстоятельствах выглядит правдоподобнее, как папского легата для Восточной Европы и кардинала Римской Церкви? Утвердительно дать ответ на этот вопрос пока затруднительно, но очевидно одно: грамота Владислава вручалась не Исидору, он даже не упоминается в ней среди присутствующих во время её обнародования.

Тем не менее, этот неопровержимый факт не помешал некоторым украинским церковным учёным утверждать, например, что “он [Исидор] позаботился о королевской привилегии автономии нашего обряда..., который был потом до Брестской унии Magna charta libertatum для нашей Церкви и в таком понимании подтверждался польскими королями” (Ваврик, 1969, с.53), или же что его (диплом) дескать “составил сам Исидор, а король подписал”, ибо “стиль и нежность первой части, ведущей речь о воссоединении, равенстве является таким красивым и нежным, на который не решился бы гордый латинский епископ” (Пап, 1983, с.85), или же, как пишет Б.Гудзяк в одном месте, “грамоту о признании Исидор получил в Буде” (Гудзяк, 1994, с.49), а в другом, уже король - “вручил её Исидору в Буде” (Гудзяк, 2000, с.60).

Свою версию причастности митрополита Исидора к данной королевской грамоте предлагает авторитетный российский учёный Б.Флоря. По его мнению, Исидор перебрался в Буду к 22 марту, а привилегия короля Владислава Ягеллончика, предоставлявшая православной Церкви в

его владениях все права и свободы, которыми пользовалась в Польском королевстве католическая Церковь, появилась 23 марта 1443 г. “С высокой степенью вероятности можно говорить об участии митрополита в подготовке этого документа”, - заключает Б.Флоря (Флоря, 2007, с.348). Но вопрос, каким образом это могло происходить, если на стадии подготовки документа Исидора даже поблизости не было, остается неразрешённым.

Следом за украинским исследователем начала XX в. Б.Бучинским, который предположил, что замысел издания такого документа мог зародиться у Исидора ещё во время пребывания в Холме (Бучинский, 1908, с.31), Б.Флоря обращает внимание на то, что “диплом Владислава” с начала XVI в. находился у православных епископов Холма, представлявших его на подтверждение польским королям (Флоря, 2007, с.349). Очевидно речь идёт об Александре, затем Сигизмунде I и Сигизмунде III в 1504, 1543 и 1621 гг.

Действительно, территория Холмского диоцеза в сложившейся церковно - политической ситуации 1440 - 1443 гг. была едва ли не единственным местом, где легат папы Евгения IV кардинал Исидор мог рассчитывать на хороший приём. Холмским латинским епископом в то время был крупный теолог и канонист, глава польской провинции Ордена доминиканцев, духовник и советник короля Ягайла, Ян Бискупец. О его отношении к Флорентийской унии красноречиво свидетельствует тот факт, что ещё в 1449 г. он приказал всем приходским священникам вписать в находившиеся у них церковные книги декрет папы Евгения IV о соединении римской и греческой Церквей. “По - видимому, в беседах Холмского епископа с митрополитом Исидором и возник замысел добиться у короля издания акта об уравнивании в правах католической и православной Церквей и тем самым заинтересовать православное население в реализации унии на территории Польского королевства”, - заключает Б.Флоря (Флоря, 2007, с.349).

Их соучастником с высокой степенью вероятности можно полагать Холмского православного епископа Григория, которого в 1440 г. после смерти его предшественника Саввы, Исидор возвёл на кафедру. Успеху акции также способствовало содействие влиятельных при дворе светских вельмож, как, например, подольского воеводы и холмского старосты Грицка из рода Кирдеев, отмеченного в кругу свидетелей, присутствовавших при выдаче привилегии. К тому же он принадлежал к числу пока ещё немногих семей русской знати, принявших католицизм. Этот сановник в числе редких польских гостей неоднократно навещал молодого короля Владислава в столице Венгрии Буде (Флоря, 2007, с.350).

Известную роль также могли сыграть расчёты венгерских советников короля и папского легата в Венгрии Джулиано Чезарини. Они полагали, что издание такого акта накануне крестового похода против турок расположит в пользу крестоносцев славянское православное население Балкан. Таким образом предложения, обращённые к молодому монарху, были плодом совместных усилий митрополита Исидора, части польского духовенства и светской верхушки местного русского общества. Издание

привилегии должно было положить конец недовольству православного духовенства отсутствием положительных изменений после Флорентийской унии в плане неравноправного положения по отношению к католикам и заинтересовать его в сохранении унии. Тем более, что и сам Владислав ещё в сентябре 1442 г. подтвердил распоряжения своего покойного отца, дискриминировавшие православных (Флоря, 2007, с.351).

Но была ли привилегия Владислава действительно тем документом, который отображал чаяния сторонников Флорентийского единения церквей в религиозной жизни христиан обоих обрядов? Сопоставление вступительной, декларативной части документа с последующими статьями даёт возможность отыскать ответ на этот вопрос. Привилегия Владислава III, адресованная церкви “восточного обряда”, т.е. “греков и русских”, в его владениях (Польском и Венгерском королевствах) начиналась с того, что монарх, выражая радость в связи с происшедшим соединением церквей, высказывал желание освободить восточную Церковь от тех преследований, которым она подвергалась ранее, и жаловал ей все права и вольности, которыми пользовалась римская Церковь в его владениях. В этом смысле привилегия формально соответствовала программе уравнивания в правах и объединения православной и католической церквей под властью папы. Именно этого добивался митрополит - униат Исидор, но многое зависело от того, как будет раскрыта общая формула вступительной части привилегии в последующих статьях документа (Флоря, 2007, с.351).

Анализ отдельных норм и привилегий показывает, что на практике права, предоставлявшиеся православной Церкви под властью папы, были несколько скромнее, чем принято считать. Грамота гарантировала иерархам и духовенству восточной Церкви греческого и русского обрядов вечное право на владения сёлами и землями, которые им законно принадлежали, санкционировала возвращение ей незаконно отобранных земель, защищала судебные прерогативы епископов восточного обряда и восстанавливала право иерархов вести и решать бракоразводные дела, в т.ч. и разрешать разрыв санкционированных православными канонами браков и т.п. (Флоря, 2007, с.351; Гудзяк, 1994, с.49, 61).

Б.Флоря считает, в данном положении не было ничего нового, поскольку такое право было предоставлено, например, Ягайлом Перемышльскому православному епископу задолго до Флорентийского Собора грамотой 1407 г. “Новым был запрет государственным чиновникам разных рангов (названных почему - то абстрактными понятиями “дигнитарии” и “официаль”) вмешиваться в церковный суд или присваивать себе его функции” (Флоря, 2007, с.351).

Тут мы должны возразить именитому учёному: то, что было для Польши преданием давно ушедших дней, в Венгрии только что вводилось.

Важным положением привилегии было предписание не устранять существующие обычаи, даже если они и не соответствуют принятым в католическом мире порядкам. Значение данного пункта грамоты возрастает при рассмотрении нами источников, упоминающих об объёме

прав и привилегий “пресвитера Луки”. В заключительной части грамоты Владислава III содержалось подтверждение прав Церкви “греков и русских” на все “издавна принадлежащие ей земли”. Новым в данном случае было то, что эта норма была дополнена подтверждением прав восточной Церкви на земли, к моменту провозглашения грамоты нею утраченные (Флоря, 2007, с.351).

А вот о включении православных епископов в состав сената/сейма, о предоставлении православному духовенству “*privilegium fori*”, а также о праве выбора епископов капитулами в грамоте речь не шла (Флоря, 2007, с.351), что суживало объём привилегий православного духовенства по сравнению со священнослужителями католического вероисповедания.

Однако, в любом случае привилегия Владислава III потенциально могла привлечь на сторону унии какую - то часть православного общества, если бы не пресловутая практика воплощения в жизнь любого законодательного решения. Более того, после трагической гибели Владислава III в битве под Варной 1444 г., его брат и преемник Казимир IV привилегию от 23 марта 1443 г. не подтвердил. Не мог способствовать её подтверждению и митрополит Исидор, отправленный в том же 1443 г. папой Евгением IV после смерти патриарха Митрофана с важной миссией в Константинополь. В своём диоцезе он больше не появится. Так закончилась неудачей единственная серьёзная попытка заинтересовать православное духовенство в польских и венгерских владениях Ягеллонов в принятии Флорентийской унии (Флоря, 2007, с.352-353).

5. “Диплом” короля Владислава 1443 г. и пресвитер Лука: полуправда историков при козвенной связи с источниками. “Диплом Владислава” в духе флорентийского единения Церквей, провозглашал равенство клира восточной Церкви греческого и русского обрядов с католическим духовенством на подвластной королю территории, а значит и в Верхней Венгрии, где проживали православные русины и волохи. Говоря об этом регионе, непременно следует учитывать тот факт, что латинские епископы Эгера, один из которых присутствовал во время подписания королевской грамоты от 22 марта 1443 г., ссылаясь на постановление IV Латеранского собора 1215 г. “*De superbia Graecorum contra Latinos*” (“О дерзости греков против латинян”) о подчинении латинскому иерарху христиан восточного обряда в случае, если они проживают на территории его диоцеза (Суттнер, 2007, с.53-54; Аввакумов, 2011, с.247-250), имели заметное влияние на события во многих случаях. Это объясняет активность усилий пресвитера Луки в свете происходивших событий в Буде в 1440 и особенно 1443 г. в юридическом оформлении статуса монастырского прихода в Мукачево.

Отдельные обращения из Буды, сначала униатского митрополита Исидора в марте 1440 г., а затем короля Владислава III в марте 1443 г. ко всем христианам латинского, греческого и русского обрядов не могли не отразиться на подданных подвластных им земель, чем, не исключено, и воспользовался (по крайней мере, пытался) пресвитер Лука, получив для начала архиерейские полномочия, скажем, в Перемышле (?), а затем став

добиваться их признания государственной властью у себя в Венгрии.

Относительно данного, пока лишь только предположения, можем опереться на информацию Холмского униатского епископа Якова Суши, который, пребывая в 1665 г. в Риме с запросом о подчинении Мукачевского епископства Киевскому униатскому митрополиту (Munkácsi gör. szert..., 1911, old.208-212), утверждал, по словам А.Годинки, что ближайший по соседству Перемышльский епископ из - за большого расстояния и в чужой стране не мог надлежащим образом исполнять епископские функции. Он ограничивался присылкой освященных священников при возникновении в них потребности. Однако, практичней было бы иметь своего местного епископа (Hodinka, 1909, old.197-198).

Несмотря на то, что информация Я.Суши будет обнаружена более чем через 200 лет после обсуждаемых нами событий, остается бесспорным долговременное окормление православного населения Подкарпатья священниками из соседней Перемышльской епархии. К большому сожалению, об освящении Мукачевских епископов вплоть до Василия III (Ардановского), которого трансильванский князь Жигмонд Ракоци 1597 г. отправит с этой целью к Молдавскому митрополиту в Яссы (Munkácsi gör. szert..., 1911, old.30-42), нет никаких известий. Как архиепископ Эстергомский и венгерский примас Дёрдь Липпай в 1654 г. (Лучкай, 1999, с.275-282), так и его преемник Дьердь Селепчени в 1665 г. (Munkácsi gör. szert..., 1911, old. 208-213), предоставляя в апостолическую столицу информацию о мукачевских епископах и их епархии, в один голос утверждали, что их всегда хиротонисали русские схизматические епископы. А так как, начиная от Василия III (Ардановского) и до XIX ст. мукачевских епископов, в большинстве случаев возводили в сан именно в Галиции, то, как заключил А.Годинка, “сомнений быть не может в том, что в 1458 г. и пресвитера Луку высветили там же” (Hodinka, 1909, old.198).

Из заявлений вышеупомянутых примасов становится известным также, что Лука не был случайно попавшим сюда странствующим епископом или же сосланным в Мукачевский монастырь, каковых немало число появится после смерти первого возвратившегося в унию мукачевского епископа Петра Партения (†1665 г.) и до назначения на эту кафедру грека Иосифа Иоанна де Камиллиса (1689 г.) (Баран, 1968). Случилось иное. Избрание Луки монахами, позже - с участием приходских священников стало прецедентом, поскольку по подобному “обычному праву” мукачевские епископы замещали вакантную кафедру вплоть до 1733 г. (Hodinka, 1909, old.198).

Вариаций же на тему где, когда и у кого пресвитер Лука мог получить епископское облачение - сколько угодно. Однако, учитывая все вышеизложенные факты и аргументы, это должно было случиться где - то в 40-х гг. XV в., и не исключено, что святителем Луки мог быть какой - то униатский архиерей. В данном случае вариантов всего два: принявший унию Перемышльский епископ или же лично митрополит Исидор, что отнюдь не предусматривает автоматического подчинения мукачевского

пресвитера их архиерейской власти. Однако, это не помешало некоторым украинским учёным, в частности И.Мончаку, прямо отнести ещё непонятно существующую ли вообще юридически Мукачевскую епархию к “нижней [юго - западной] части” Киевской митрополии (Мончак, 1994, с.11).

Наконец, предлагаем ещё раз обратиться к тексту королевской грамоты от 1458 г. Хотя Лука в ней и упоминается всего лишь как пресвитер, всё - таки в ней встречаем такие выражения, какие подтверждают, что он должен был быть больше, нежели обычный пресвитер или игумен. Слова этого документа “нашей королевской властью определено, что приход такого значения по обычаю наших предшественников королей Венгрии принадлежит к нашему назначению” (Munkácsi göt. szert..., 1911, old.1) подтверждают, что Лука занимал должность, принадлежащую прерогативе “королевского назначения”. Значит Лука должен был быть больше чем обыкновенным настоятелем монастыря, ибо зачем ему тогда ни какой - нибудь там, а именно королевской грамотой даётся власть “на неограниченные времена беречь и сохранять юрисдикцию”(Munkácsi göt. szert..., 1911, old.2).

Более того, согласно второму документу, в котором упоминается имя пресвитера Луки, являющегося личным письмом короля Матяша Корвина от 1 мая 1488 г., ему предоставляется право десятины (Munkácsi göt. szert..., 1911, old. 3-4). В тоже время, забегая чуть вперёд, в документе короля Владислава III от 31 июля 1491 г. значится, что русскому епископу” Иоанну, “согласно древнему обычаю” должны были подчиняться верующие русины и волохи. Значит в монастыре св.Николая на Чернечей горе и перед Иоанном был епископ, которому также были подчинены верующие.

Почему Лука именуется пресвитером, а не епископом, неизвестный автор в 1920-х гг., на наш взгляд, очень удачно заметил: “Это можно объяснить тем, что как он, так и его преемники соглашались быть терпимыми епископами и таких латинские епископы запрещали называть епископами. Ведь и эгерские епископы наших епископов называли только викариями” (Начала Мукачевской..., 1926). А значит в церковной практике венгерских католиков отношение к своим братьям во Христе - русинам и волохам греческого обряда, а тем более к сомнительным в плане их хиротонии епископам, отношение ещё длительное время спустя оставалось *ipse posse*.

Позже, после появления грамоты Матяша Корвина от 3 сентября 1458 г., только что вззошедший на кафедру св.Петра папа Пий II буллой, которой назначил киевским митрополитом Григория II Болгарина, заручившись согласием униатского митрополита Исидора, “...разделил ту церковную русскую область на две части, то есть на верхнюю, что находилась под властью невоссоединённого властелина, и на нижнюю, которая была под властью католика, то есть дорогого сына нашего во Христе, Казимира светлого короля Польши. И то таким образом, что одна часть русской области осталась и далее под властью и управлением митрополита Исидора, который одновременно уступил часть своей власти

и управления, для ниже определённых целей, а именно: в нижней Руси - епархию Киевскую с Литвою и с теми частями нижней Руси, которые живут в греческом обряде под русским митрополитом и находятся под властью вышеупомянутого короля Польши, вознеся её до митрополичьего достоинства со всеми отличиями, привилегиями и почестями, которые по праву и обычаю принадлежат митрополичьей церкви”, [...] “Она будет под властью и управою отдельного архиепископа, вместе с вышеупомянутыми южными её частями, или же, епархиями: брянской, смоленской, полоцкой, туровской, луцкой, владимирской, перемышльской, холмской и галичской”, которые отделил от той части русской Церкви, в которой была распространена власть “сына нечестия и погибели” митрополита Ионы (Великий, 1999, с.109-112).

Учитывая, что предшественник Казимира Владислав III одновременно являлся и королём Венгрии, а пресвитер Лука только что инициировал “процедуру” признания его юрисдикции королевской властью Венгрии, не удивительно, что в папском документе (примечание 11) среди поимённого перечисления всех существующих на тот момент в “нижней” части Киевской митрополии епархий, Мукачевской - не обнаружено. Очевидно, именно на славян и волохов Подкарпатья распространялись слова папской буллы - “и с теми частями нижней Руси, которые живут в греческом обряде под русским митрополитом и находятся под властью вышеупомянутого короля Польши” (Мончак, 1994, с.10-11). Таковыми могли быть Перемышльская или Львовская епархии.

Подводя итоги, или выдавая желаемое за действительное в исторической экклесиологии. Подытоживая историческое значение доселе упоминаемых первых источников о церковно - монастырской жизни славяно - влахов Верхней части Венгрии, вслед за А.Годинкою уместным будет полагать, что относимая ко времени между 1418 - 1426 гг. т. наз. грамота Феодора Кориатовича если и не упоминает прямо о епископстве, а королевская грамота Матяша Корвина от 1458 г. подтверждает предшествующее назначение пресвитера Луки настоятелем монастырского прихода на Чернечей горе, время основания епархии возле Мукачева следует отнести на период между 1426 и 1458 гг., с той, правда оговоркой, что под епископством следует понимать всего лишь “монастырский приход” (Hornad, 2004, s.9-12, 37-38, 79-191, 469-858).

Лука должен был стать предстоятелем монашеской общины где - то между 1439 и 1445 гг., о чём свидетельствуют грамоты владельца Мукачевского замка, сербского деспота Георгия Бранковича и Яноша Хуняди. Об этом же идёт речь и в информации Холмского униатского епископа Якова Суши, представленной св.Престолу в 1665 г. Таким образом, очевидно следует согласиться с мнением А.Годинки, согласно которому Мукачевское епископство было основано между 1439 и 1445 гг., то есть во время правления в Венгрии короля Владислава III под именем Уласло I (1440 - 1444 гг.), когда и были обнаружены известные нам обращения - кардинала - митрополита Исидора (1440) и, собственно,

самого молодого монарха в 1443 г. (Hodinka, 1909, old.186-189, 191-193).

Другими словами, начало становления “первой” епархии с центром в монастыре св.Николая возле Мукачева пришлось на период между провозглашением Флорентийской унии (1439 г.) и образования Римским престолом католической церковной провинции из епархий “нижней” части доселе неразделённой Киевской митрополии в 1458 г. Об этом, по крайней мере, свидетельствуют анализированные нами выше грамоты. Завершение же процесса становления Мукачевской епархии относится к концу XV в. и связано это было уже с епископом Иоанном, упоминаемым в письменных источниках от 1491 до 1498 г. (Munkácsi gör. szert..., 1911, old.5-10; Hodinka, 1909, old.201-221; Фенич, 2005, с.168-184; 2008, с.3-14).

Последний ребус, на который предстоит дать определённый ответ, сводится к не совсем понятному в историографии вопросу, кому, в свою очередь, подчинялся епископ Мукачева. Упоминаемый нами иезуитский историк М.Лацко по этому поводу пишет: “Subordinatio hierarchica episcopatus Mukauevensis non est clara. Ex una parte videtur nulli fuisse metropolis stricte subiecta, ex alia verro parte sunt indicia quae monstrant relatijnes frequentes cum metropolis Kioviensi, ubi probabolissime praeteritis temporibus episcopo Mukauevenses consecrabantur: Saeculo XVII ante unionem Uzhorodensem vero, consacrationem accipiebant a metropolitiss Moldaviae” (Lacko, 1966, p.18-19).

Нетрудно понять, что длительное время вопрос о субординации иерархов Мукачевского епископства оставался неизвестным. Предположения о якобы юрисдикции Киевского митрополита остаются без определённых письменных источников всего лишь предположениями. Единственное, о чём можно утверждать с уверенностью, это об освящении претендентов на Мукачевский владычный престол к моменту Ужгородской унии середины XVII в., проводимом с конца предыдущего столетия Яскими митрополитами Молдавии.

Но даже если самое древнее упоминание о епископе восточной традиции в Мукачева исходит от 1491 г., то это вовсе не доказывает существования самого епископства, тем более, что о нём в изложенных выше грамотах - ни слова. В позднесредневековой Венгрии ещё и в XV ст. находились монастыри восточного обряда, настоятели которых опекались религиозно - церковной жизнью православных общин с ближних или более отдалённых окраин. Так было, между прочим и в Трансильвании, так было и в верхней части Венгрии (Pekar, 1956, p.15-19; Суттнер, 2000, с.108). Даже если там и не существовало иерархии в полном каноническом смысле этого слова, некоторые настоятели монастырей всё же получали епископские облачения. Монастырь св.Николая возле Мукачева стал к концу XV в. именно такой резиденцией предстоятелей в сане епископов, которые с самого начала исполняли свой пастырский надзор за восточными христианами Верхней Венгрии, хотя в нашем распоряжении к большому сожалению и нет никаких письменных известий о формальном основании местной епархии включительно до 1771 г. (Lacko, 1955, s.12-19; Суттнер,

2000, с.108).

Что же касается “неисчислимого стада”, выпасаемого духовными пастырями, то к нему принадлежали верующие различных этнических групп. Кроме области, где расположена сегодня Мукачевская епархия с преобладающей украинско - русинской национальной идентичностью и с незначительным вкрапливанием в её среде венгерских, румынских и словацких греко - католиков, и не менее многочисленными би- и полилингвами (Фенич, 2004, с.38-62; 2003, с.146-161; 2010, с.104-125; Fenici, 2003, s.83-104; 2007, s.113-128), компетенция мукачевских пастырей длительное время распространялась на пределы образованных в XIX - начале XX вв. Прешовской (где сегодня большинство верующих составляют словаки), Гайдудорогской (венгры) и румынской епархии в Бая Маре. Все они ныне представляют собою отдельные национальные ГКЦ, но уже соответственно в Словакии, Венгрии и Румынии (Екклезіялна й націонална..., 2003, с.55-269; Фенич, 2007, с.95-117).

Таким образом, верующие, руководимые владыками из монастыря св.Николая возле Мукачева, объединялись только общей церковно - обрядной традицией, хотя никогда не разговаривали на одном языке, и подчинялись светской власти, представители которой принадлежали, преимущественно, к римской Церкви, меньше - реформатским кальвинистским князьям. Отсюда и неустойчивость, нечёткая определённость правового статуса как мукачевских епископов, так и местных священников вместе с приходами, которые им подчинялись. Впервые полноценная институционализация церковно - обрядных и литургических практик в истории епархии произошла на синоде униатских (греко - католических) епископов Венгрии, созванном Марией Терезией в Вене весной 1773 г. (Баран, 1960, с.394-403; Synodus Episcoporum..., 1975; Суттнер, 2000, с.109).

Особо не углубляясь в дискуссию о “каноническом” существовании Мукачевской епархии во время её так называемого “первого основания” (второе, по нашему мнению, настоящее её каноническое учреждение произойдёт только в 1771 г.) (Пекар, 1956; De processibus canonicis..., 1973), являющегося воистину большим местом для церковных историков местных греко - католической и православной традиций (Пекар, с.15-16; Пап, 1983, с.83-86; Пронин, 2005, с.151-154; Попович, 1994, с.11-23). Из - за недостатка аутентичных письменных источников, ограничимся как всегда наблюдательным замечанием А.Петрова о том, что начала Мукачевской епархии “ignogamus et ignorabimus” (Петровъ, 1930, с.146), с той, правда, оговоркой, что всё - таки к информации тех немногих, имеющих в распоряжении историков грамот XV в. стоит однако прислушаться, а не “рубить”, как говорится, с “плеча”. По крайней мере это куда благороднее, чем в слепую следовать за конфессионально или национально ангажированной историографией, откуда бы не происходили её корни.

Подыгрывая таким образом определённому религиозному или куда хуже национальному эго - патриотизму, исторической науке наносится

несоизмеримый ущерб, избавиться от которого, как показывает опыт этноцентрических историографий последних двух веков, будет ох как нелегко.

Ключові слова: “Монастирська Церква”, Мукачівська єпархія, пресвітер, монастир, джерела, історіографія, ігумен, архимандрит, митрополит, грамота, привілей, юрисдикція, слов’яно - волохи, русини.

Ключевые слова: “Монастырская Церковь”, Мукачевская єпархія, пресвітер, монастирь, источники, историография, игумен, архимандрит, митрополит, грамота, привілей, юрисдикція, славяно - влахи, русины.

Key - words: “The Monastery Church”, bishopric of Mukacheve, presbyter, monastery, sources, historiography, hegumen, archimandrite, metropolitan, charter, privilege, jurisdiction, slavo - vlachs, Rusyns.

Фенич В.І. (м.Ужгород, Україна)

**“Монастирська Церква”: походження та рання історія Мукачівського єпископства XV століття (історіографічний аспект)
(Резюме)**

Підводячи підсумки історичного значення першоджерел церковно - монастирського життя слов’яно - волохів Верхньої частини Угорщини, слідом за А.Годинкою доречно буде припустити, що так звана грамота Федора Корятовича, що виникла між 1418 - 1426 рр. якщо не згадує прямо єпископство, а королівська грамота Матяша Корвіна від 1458 р. підтверджує попереднє призначення пресвітера Луки настоятелем монастирського приходу на Чернечій горі, час заснування єпархії біля Мукачева слід віднести на період між 1426 та 1458 рр. за умови, що під єпископством розуміємо лише “монастирський прихід”.

Лука мав стати предстоятелем общини монахів приблизно між 1439 - 1445 рр., про що свідчать грамоти володарів Мукачівського замку, сербського деспота Георгія Бранковича та Яноша Хуняді. Про це йде мова і в інформації Холмського уніатського єпископа Якова Суші, що представлена св.Престолу у 1665 р. Таким чином, слід погодитися з думкою А.Годинки, згідно якій Мукачівська єпархія була заснована між 1439 та 1445 рр., тобто за часів правління в Угорщині короля Владислава III під іменем Уласло I (1440 - 1444), коли були оприлюднені відомі нам звернення кардинала - митрополита Ісидора (1440) та власне, самого молодого монарха у 1443 р.

Іншими словами, початок становлення “першої” єпархії з центром у монастирі св.Миколая біля Мукачева припало на період між проголошенням Флорентійської унії (1439) та утвореннями Римським престолом католицької церковної провінції з єпархій “нижньої” частини досі єдиної Київської митрополії у 1458 р. Про це, наразі, свідчать аналізовані нами грамоти. Завершення процесу становлення Мукачівської єпархії відноситься до кінця XV ст. та пов’язане з єпископом Іоаном, що згадується в джерелах від 1491 по 1498 рр.

Останній ребус, на який належить дати певну відповідь, зводиться до не зовсім зрозумілого в історіографії питання, кому в свою чергу підпорядковувався єпископ Мукачева. Єзуїтський історик М.Лацко з цього приводу пише: “Subordinatio hierarchica episcopatus Mukaeuensis non est clara. Ex una parte videtur nulli fuisse metropolis stricte subiecta, ex alia verro parte sunt indicia quae monstrantr relatijnes frequentes cum metropolis Kioviensi, ubi probabolissime praeteritis temporibus episcopo Mukaeuenses consecrabantur: Saeculo XVII ante unionem Uzhorodensem vero, consacrationem accipiebant a metropolitit Moldaviae”.

Неважко зрозуміти. Що довгий час питання про субординацію ієрархів Мукачівського єпископства залишалось нерозкритим. Припущення про нібито юрисдикції Київського митрополита залишається без конкретних історичних джерел всього лиш припущенням. Єдине, що можна стверджувати з упевненістю, це освячення претендентів на Мукачівський престол владики до Ужгородської унії середини XVII ст., що проводилося до кінця попереднього століття Ясськими митрополитами Молдавії.

Втім, якщо найдавніша згадка про єпископа східної традиції в Мукачеві походить з 1491 р., то це зовсім не доводить існування самого єпископства, тим більше, що про нього у вищезгаданих грамотах - ані слова. В Угорщині доби пізнього середньовіччя ще в XV ст. існували монастирі східного обряду, настоятелі яких опікувалися релігійно - церковним життям православних общин ближніх та більш віддалених околиць. Так було, доречі, і в Трансільванії, так було і у Верхній частині Угорщини. Навіть якщо там і не існувало ієрархії в повному канонічному розумінні цього слова, деякі настоятелі монастирів все ж отримували єпископський сан. Монастир св.Миколая біля Мукачева до кінця XV ст. став саме таким центром/резиденцією предстоятелів в сані єпископів, які з самого початку виконували свій пастирський нагляд за східними християнами Верхньої Угорщини, хоча у нашому розпорядженні, нажаль, немає жодного письмового повідомлення про формальне заснування місцевої єпархії до 1771 р. включно.

Фенич В.И. (г.Ужгород, Украина)

**“Монастырская Церковь”: происхождение и ранняя история
Мукачевского епископства XV века (историографический аспект)
(Резюме)**

Подводя итоги историческому значению первых источников о церковно - монастырской жизни славяно - владов Верхней части Венгрии, за А.Годинкой уместно полагать, что относимая ко времени между 1418 - 1426 гг. т.наз. грамота Феодора Кориатовича если и не упоминает прямо о епископстве, а королевская грамота Матяша Корвина от 1458 г. подтверждает предшествующее назначение пресвитера Луки настоятелем монастырского прихода на Чернечей горе, время основания епархии возле Мукачева следует отнести к периоду между 1426 и 1458 гг., с той,

правда оговоркой, что под епископством будем понимать всего лишь “монастырский приход”.

Лука должен был стать предстоятелем монашеской общины где - то между 1439 и 1445 гг., о чём свидетельствуют грамоты владельцев Мукачевского замка, сербского деспота Георгия Бранковича и Яноша Хуняди. Об этом же идёт речь и в информации Холмского униатского епископа Якова Суши, представленной св.Престолу в 1665 г. Таким образом, очевидно следует согласиться с мнением А.Годинки, согласно которому Мукачевское епископство было основано между 1439 и 1445 гг., то есть во время правления в Венгрии короля Владислава III под именем Уласло I (1440 - 1444), когда и были обнаружены известные нам обращения - кардинала - митрополита Исидора (1440) и, собственно, самого молодого монарха в 1443 г.

Другими словами, начало становления “первой” епархии с центром в монастыре св.Николая возле Мукачева пришлось на период между провозглашением Флорентийской унии (1439) и образованием Римским престолом католической церковной провинции из епархий “нижней” части доселе неразделённой Киевской митрополии в 1458 г. Об этом, по крайней мере, свидетельствуют проанализированные грамоты. Завершение же процесса становления Мукачевской епархии относится к концу XV ст. и связано оно с епископом Иоанном, упоминаемым в письменных источниках с 1491 до 1498 г.

Последний ребус, на который предстоит дать определённый ответ, сводится к не совсем понятному в историографии вопросу, кому, в свою очередь, подчинялся епископ Мукачева. Иезуитский историк М.Лазко по этому поводу пишет: “Subordinatio hierarchica episcopatus Mukaeuensis non est clara. Ex una parte videtur nulli fuisse metropolis stricte subiecta, ex alia verro parte sunt indicia quae monstrantr relatijnes frequentes cum metropolis Kioviensi, ubi probabolissime praeteritis temporibus episcopo Mukaeuenses consecrabantur: Saeculo XVII ante unionem Uzhorodensem vero, consacrationem accipiebant a metropolitiss Moldaviae”.

Не трудно понять, что длительное время вопрос о субординации иерархов Мукачевского епископства оставался неизвестным. Предположения о якобы юрисдикции Киевского митрополита остаются без определённых письменных источников всего лишь предположениями. Единственное, о чём можно утверждать с уверенностью, это об освящении претендентов на Мукачевский владычный престол вплоть до Ужгородской унии середины XVII в., проводимом с конца предыдущего столетия Яскими митрополитами Молдавии.

Но даже если самое древнее упоминание о епископе восточной традиции в Мукачева исходит от 1491 г., то это вовсе не доказывает существования самого епископства, тем более, что о нём в изложенных грамотах - ни слова. В позднесредневековой Венгрии ещё и в XV ст. находились монастыри восточного обряда, настоятели которых опекались религиозно - церковной жизнью православных общин с ближних или более отдалённых окраин.

Так было, между прочим и в Трансильвании, так было и в Верхней части Венгрии. Даже если там и не существовало иерархии в полном каноническом смысле этого слова, некоторые настоятели монастырей всё же получали епископские облачения. Монастырь св.Николая возле Мукачева стал к концу XV в. именно таким центром/резиденцией предстоятелей в сане епископов, которые с самого начала исполняли свой пастырский надзор за восточными христианами Верхней Венгрии, хотя в нашем распоряжении к большому сожалению и нет никаких письменных известий о формальном основании местной епархии до 1771 г.

Fenyh V.I. (Uzhhorod, Ukraine)

“The Monastery Church”: the Origin and Early History of the Bishopric of Mukacheve of the 15th Century (Historiographical Aspect)
(Summary)

Summarizing the historical significance of the first sources of church and monastery life of slavo- vlachs in Upper Hungary, following A.Hodynka it is appropriate to think that even though in the so-called charter by Fyodor Koriatovych dating between 1418 - 1426 the bishopric is not mentioned directly, and the royal charter by Matthias Corvinus dating from 1458 confirms the preceding appointment of presbyter Luke as a rector of the monastery parish in Chernecha Hill, the time of eparchy foundation near Mukacheve should be dated back to the period between 1426 and 1458 though with a reservation that under the bishopric we should only understand “Monastery parish”.

Luke was supposed to become a rector of the monastic community somewhere between 1439 and 1445 as evidenced by the charter of the owner of Mukacheve Castle, Serbian Despot George Brankovics and John Hunyadi. This is also mentioned in the information which was represented to the Holy See by Chelm uniate bishop Yakov Susha in the year 1665. Thus, we should agree with the opinion of A.Hodynka according to which the bishopric of Mukacheve was founded between 1439 and 1445, this was during the rule of king Wladyslaw III under the name Ulaszlo I (1440 - 1444), when the known appeals of cardinal-metropolitan Isidore and, in fact, the youngest monarch in 1443 were made public.

In other words, the beginning of formation of the “first” eparchy with its center in the monastery of St. Nicholas near Mukacheve falls on the period between proclamation of the Florentine Union (1439) and formation by the Holy See of the catholic church province from the eparchies of the “lower” part of Kiev Metropolia which had never been divided until 1458. At least, this is evidenced by the charters analyzed above. Completion of the formation process of Eparchy of Mukacheve dates back to the end of the 15th century, it was associated with bishop Ioann who is mentioned in the written sources from 1491 and until 1498.

The last issue that should be considered lies within an unclear question in relation to historiography - to whom the bishop of Mukacheve

submitted. Mentioned by us Jesuit historian M.Latsko writes: “Subordinatio hierarchica episcopatus Mukaeuensis non est clara. Ex una parte videtur nulli fuisse metropolis stricte subiecta, ex alia verro parte sunt indicia quae monstrarit relatijnes frequentes cum metropolis Kioviensi, ubi probabolissime praeteritis temporibus episcopo Mukaeuenses consecrabantur: Saeculo XVII ante unionem Uzhorodensem vero, consecrationem accipiebant a metropolitо Moldaviae”.

It is easy to understand that the question of subordination of hierarchies in the bishopric of Mukacheve remained unknown for a long time. Assumptions about jurisdiction of Kiev metropolitan without any particular written sources are only assumptions. The only thing of which we can be sure is the consecration of candidates for vladiko-see of Mukacheve right up to Uzhhorod Union in the middle of the 17th century, the consecration has been conducted by Iassy metropolitans of Moldova since the end of the previous century.

But even though the oldest mentioning of the bishop of the East tradition in Mukacheve dates back from 1491 it will not prove the existence of the very bishop, and what is more, there is not a word about him in the charters mentioned above. In the late medieval Hungary including the 15th century there were Eastern rite monasteries the rectors of which took care of religious and church life of orthodox communities from the nearest and far areas. It was the same in Transylvania and Upper Hungary. Even if the hierarchy in its full canonical sense has never existed there, some rectors of the monasteries still received the bishop's togger. By the end of the 15th the monastery of St. Nicholas near Mukacheve had exactly become one of such centers/residences of rectors ordained as bishops who performed their pastoral supervision over eastern Christians of Upper Hungary from the very beginning, though, unfortunately, we don't have any written information about formal foundation of the local eparchy including up to 1771.

Литература

- Аввакумов Ю. Витоки унійного богослов'я: Проблема церковної єдності в обрядових дискусіях між Римом і Константинополем в XI - XIII століттях. - Львів, 2011.
- Акты, относящиеся к истории Западной России. - СПб., 1846. - Т.1. - №42. - С.56-57.
- Баран Олександр. Синод Мукачівської, Фогарашської і Свідницької епархій у Відні 1773-го року // *Analecta Ordinis S. Basilii Magni. Series II. Sectio II.* - Vol.III (IX). - Fasc.3-4. - Romae, 1960. - P.394-403.
- Бучинський Б. Студії з історії церковної унії. I. Исидорова унія // *Записки НТШ.* - Львів, 1908. - Т.85. - С.21-42.
- Ваврик М. Кардинал Исидор (У 500-ліття його смерти) // *Наукові записки Українського Вільного Університету 1967-68.* Ч. 9-10. - Мюнхен - Рим - Париж, 1969. - С.49-57.

- Василь Ціріл Ті. Мукачівська єпархія та її єпископи. Історія походження // Матеріали конференції, присвяченої сторічному ювілею першого друкованого видання “Церковного Простопінія” о. І.Бокшая / Ред. В.Ігнатишин. - Ужгород, 2007. - С.29-47.
- Великий А.Г. З літопису християнської України. Церковно - історичні радіолекції з Ватикану. - Т. III. - Рим - Львів, 1999.
- Гудзяк Б. Грецький схід, Київська митрополія і Флорентійська унія // Записки Наукового товариства імені Шевченка. Т. ССХХVІІІ. Праці Історично - філософської секції. - Львів, 1994.- С.48-64.
- Гудзяк Борис. Криза і реформа. Київська митрополія, Царгородський патріархат і генеза Берестейської унії. - Львів, 2000.
- Данилюк Д.Д. Історія Закарпаття в біографіях і портретах (з давніх часів до початку ХХ ст.). - Ужгород, 1997.
- Дворнік Ф. Слов’яни в європейській цивілізації. - К., 2000.
- Жаткович Юрій. Етнографический очерк угро - русских // Мазурок О.С. Юрій Жаткович як історик та етнограф. - Ужгород, 2001. - С.161-246.
- Зема В.Є. Флорентійська унія та автокефалія церкви // Український історичний журнал. - 2003. - №1. - С.53-67.
- Исидоров Собор и хождение его // Флоря Б.Н. Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское средние вековье. - М., 2007. - С.388-396.
- Кобаль Й.В. Федір Корятович у світлі нових джерел // Carpatica - Карпатика. - Ужгород, 2005. - Вип.32. - С.75-115.
- Контлер Л. История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы. - М., 2002.
- Коссей Ю. До питання про першопочатки християнства на Закарпатті // Ужгородській унії - 350 років. Матеріали міжнародних наукових конференцій (Ужгород, квітень 1996 р.). - Ужгород, 1997. - С.27-32.
- Кочан Н. Флорентійська унія і Київська митрополія та її історична доля на українсько - білоруських землях // Другий міжнародний конгрес українців (Львів, 22 - 28 серпня 1993 р.). Доповіді і повідомлення. Історія. Частина I. - Львів, 1994. - С.53-58.
- Левина С.А. Списки Воскресенской летописи // Летописи и хроники 1984. - М., 1984. - С.57-58.
- Лучкай М.М. Історія карпатських русинів. У шести томах. - Т. II. - Ужгород, 1999.
- Монич О. Мараморошська святиня: нариси з історії Грушівського монастиря - Ужгород, 2008.
- Мончак І. Самоуправна Київська Церква. - Львів, 1994.
- Нариси історії Закарпаття. У трьох томах. - Том I (з найдавніших часів до 1918 року). - Ужгород, 1993.
- Начала Мукачевской єпархії // Карпаторусській вестникъ. - Ужгородъ, 1926. - Ч.35.
- Павло В. Християнські місії св. Кирила і Мефодія. - Пряшів, 2008.
- Пап С. Початки християнства на Закарпатті. На основі нових наукових дослідів. - Філадельфія, 1983.

- Пелешенко Ю. Київський митрополит Ісидор і доля Флорентійської унії в Україні // Київська старина. - 2000. - №2. - С.135-142.
- Пекар А. В. Нариси історії Церкви Закарпаття. - Том I. - Рим - Львів, 1997. - С.15-16.
- Петровъ А. Древнейшія грамоты по истории карпаторусской церкви и іерархіи 1391 - 1498 г. Съ 12 фотографическими факсимиле. - Praga, 1930. Полное собрание русских летописей. - Т.6. - СПб., 1851.
- Попович М. Про світле вогнище нашого минулого (до 500-річчя Мукачівської єпархії) // Науковий збірник Музею української культури у Свиднику. - Випуск 19. - Пряшів, 1994. - С.11-23.
- Пронин В. История Православной Церкви на Закарпатье. Свято - Николаевский Мукачевский монастырь. - 2005.
- Суттнер Е.К. Церковні розколи і єдність Церкви. - Львів, 2007.
- Суттнер Е.К. Значення Замоїського (1720) та Віденського (1773) синодів для уніатів Речі Посполитої та Габсбурзької монархії / Пер. з нім. О.Турія та Л.Цибенко // Ковчег. Науковий збірник із церковної історії. - Львів, 2000. - С.99-114.
- Томашівський С. Вступ до історії Церкви на Україні // Записки Чину Святого Василя Великого. - Т. 4 (1-2). - Жовква, 1932. - С. 57-61.
- Тржештик Д., Достал Б. Великая Моравия и зарождение Чешского государства // Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI - XII вв.). - М., 1991. - С.87-106.
- Фенич В.І. “Київська Церква” і Мукачівська єпархія: відомі та невідомі сторінки “непрочитаної” історії XIV - XVII ст. // Науковий вісник. Серія: Історія. Випуск 21 / Редкол.: М.М.Вегеш (голова) та ін. - Ужгород, 2008. - С.3-14.
- Сенько І. Де витоки легенд про Корятовича? // Земля з іменем: Краєзнавчі студії. - Ужгород, 1998. - С.21-41.
- Фенич В.І. Конфесійна та національна ідентичність духовенства Мукачівської греко - католицької єпархії 1771 - 1949 рр. // Ковчег. Науковий збірник із церковної історії / За ред. Бориса Гудзяка, Ігоря Скочилися та Олега Турія. Число 4: Еклезіяльна й національна ідентичність греко - католиків Центрально - Східної Європи / Відп. ред. Олег Турій. - Львів, 2003. - С.146-161.
- Фенич В.І. Етнонаціональна ідентичність греко - католиків Мукачівської єпархії // Carpatica - Карпатика. - Ужгород, 2004. - Вип.30. - С.38-62.
- Фенич В. І. Заснування Мукачівської єпархії у XV ст.: історіографічні міфи та історичні реалії // Carpatica - Карпатика. - Ужгород, 2005. - Вип.32. - С.168-184.
- Фенич В. Еклезіяльне становище греко - католиків до встановлення комуністичних режимів у країнах Центрально - Східної Європи // Науковий збірник Музею української культури у Свиднику. - Свидник, 2007. - Вип.24. - С.95-117.
- Фенич В.І. Греко - католики Мукачівської єпархії та їх сусіди у світлі сучасних досліджень офіційної статистики кінця XIX - початку XX ст. //

Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Історія. - Ужгород, 2010. - Вип.25. - С.104-125.

Фенич В.И. Верхнее Потисье между Моравией и Болгарским царством, или кого крестили св.Константин (Кирилл) и Мефодий на "Закарпатье"? // Карпатика. - Ужгород, 2011. - Вып.40. - С.124-138.

Холодняк И. Палеографический этюд // Материалы для истории Угорской Руси. - Т. III. - СПб, 1906.

Baran Alexander. Metropolia Kioviensis et eparchia Mukačoviensis. - Romae, 1960.

Basilovits J. R.P. Brevis notitia foundationis Theodori Koriathovits, olim Ducis de Munkacs, religiosus ruthenis Ordinis Sancti Basilii Magni, in monte csernek ad Mankacs, Anno MCCCLX. Facte. Exhibens Serium episcoporum greco-catholicorum Munkacsiensium, cum proecipus eorundem aliorumque Illuftrium Virorum Geftis, e variis Diplomatibus, Decretisque Regiis, ac allis Documentis, authenticis potifsimum concinnatam. Pars Prima. - Cassovie, 1799.

Basilovits J. Brevis notitia foundationis Theodori Koriathovits, olim Ducis de Munkacs, & exhibens Statum Greco-Catholicae Dioecelis Munkacsienlis Hierarchicum, juxta ferium episcoporum cum proecipus eorundem, aliorumque Illuftrium Virorum Geftis, e variis Bullis Pontificiis, Diplomatibus, Decretisque Regiis, ac allis Documentis, authenticis potifsimum concinnatam. Pars Quarta. Tomus II. - Cassovie, 1804.

Basilovits J. Brevis notitia foundationis Theodori Koriathovits, olim Ducis de Munkacs, & exhibens Statum Greco-Catholicae Dioecelis Munkacsienlis Hierarchicum, juxta ferium episcoporum cum proecipus eorundem, aliorumque Illuftrium Virorum Geftis, e variis Bullis Pontificiis, Diplomatibus, Decretisque Regiis, ac allis Documentis, authenticis potifsimum concinnatam. Pars Quarta. Tomus II. - Cassovie, 1805.

Bobák A. De iure petronatus supreme quad Ecclesiam ruthenicam in Hungariae. - Vol. I. - Roma, 1943.

De processibus canonicis ecclesiae catholicae Ucrainorum in Transcarpathia ab 1771 usque 1853 / Collegit: Dr. Alexander Baran. - Romae, 1973.

Diplôme Maramureșene din secolul XIV. și XV. / Adunate și comentate prin Joan Mihályi de Apșa, doctor in drepturi, procurator al comitatului. Maramureș-Sziget, 1900.

Fenici V. Konfessionelle und nationale Identität der Katholiken griechischer Konfession von Transkarpatien im 18.-20. Jahrhundert // Materielle und geistige Volkskultur des Oberen Theißbeckens. Einfluss der deutschen Bevölkerung auf die anderen Ethnien der Region. - Satu Mare - Tübingen, 2003. - S.83-104;

Fenich V. Konfessionelle und nationale Identität des Klerus der griechisch-katholischen Diözese von Munkačevo 1771 - 1949 // Konfessionelle Identität und Nationsbildung. Die grechisch - katholischen Kirchen in Ostmittel- und Südosteuropa im 19. und 20. Jahrhundert / Herausgegeben von Hans - Christian Maner und Norbert Spannenberger. - Stuttgart, 2007. - S.113-128.

Gili J. Isidore's Encyclical Leterr from Buda // Analecta Ordinis Sancti Basilii Magni. Romae, 1963. Ser. 2, fasc. 2.4. P. 1-8; Literae Encyclicae Icidori

- Metropolitae Budae, die 5 Martii 1440 datae // Concilium Florentinum. Documenta et scriptores. - Roma, 1976. -Vol. 11. Acta Slavica Concilii Florentini. Narrationes et documenta. - P.140-142.
- Harasiewicz M. Annales Ecclesiae Ruthenae. - Leopoli, 1862.
- Hodinka A. A Munkácsi görög - katolikus püspökség története.- Budapest, 1909.
- Hodinka Antal. Утцюзна, газдуство и прошлост южнокарпатських русинувъ = A kárpátaljai rutének lakóhelye, gazdaságuk és múltjuk c.műve (Budapest, 1923) ruszin nyelvű változatának hasonmás kiadása / A művet kiadásra előkészítette, utószót írta: Udvari István - Nyíregyháza, 2000.
- Hornad V. Dejiny gréckokatolíkov Podkarpatska (9.-18. storočie). - Košice, 2004.
- Lacko M. Unio Užhorodensis Ruthenorum cum Ecclesia Catholica. - Romae, 1955.
- Lacko M. The Union of Užhorod // Slovak studies. VI. - Cleveland - Rome, 1966.
- Lacko M. Z našej minulosti. Vznik mukačevského biskupstva // Mária. - 1978. - 10. - S.15-16.
- Miklosich F. Acta patriarchatus Constantinopolitani. Vol. 2. - Vindobonae, 1860.
- Moravesik Gyula. Görögnyelvű monostorok Szent István korában // Emlékkönyv Szent István Király halálának kilencszázadik évfordulóján / Szerkesztette Serédi Jusztinián. Első kötet. - Budapest, 1938. - Old.388-422.
- Munkácsi gör. szert. püspökség okmánytára. I. köt. 1458-1715 / Gyűjtötte, összeállította és közrebocsátja: Hodinka Antal. - Ungvár, 1911.
- Papp Gy. A Munkácsi püspökség eredete. - Miskolc, 1940.
- Papp G. I monaci dell'ordine di S. Basilio in Ungheria nel secolo XIII // Analecta Ordinis S. Basilii Magni. Series II. Sectio II. Vol. I (VII). Fasc. I. - Romae, 3, 1949. - P.39-56.
- Pekar Basilius. De erectione canonica eparchiae Mukačoviensis (anno. 1771). - Romae, 1956.
- Synodus Episcoporum ritus bizantini catholicorum ex antique Hungaria Vindobonae a. 1773 celebrata / Collegit et introduction: Michael Lacko, S.J. - Roma, 1975.
- Timkovič G.A. OSBM. Sv. Cyril (+869) bol katánskym episkopom // Krásnobrodský zborník. - Prešov, 1996. - I (1-2).
- Timkovič G.A. Sv. Cyril a Metod priniesli a šírili na Veľkej Morave byzantskú liturgiu sv. Jána Zlatoústeho // Krásnobrodský zborník. - Prešov, 1996. - I (1-2). - S.91-135.